

детектив-событие

Валерия
Лемац

Сны мертвой девушки
из Версуа

Валерия Леман
Сны мертвой девушки из Версуа
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989892
Сны мертвой девушки из Версуа : роман / Валерия Леман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62634-2

Аннотация

Ален даже и не мечтал выбраться из дождливой и промозглой Москвы и уже сегодня очутиться в солнечной Швейцарии. Бывшая возлюбленная Соня умоляла приехать и помочь найти подругу Ольгу, исчезнувшую при загадочных обстоятельствах...

Лорен смирилась с мыслью, что никогда больше не увидит свою погибшую дочь, пока однажды утром на пороге ее дома не объявилась русская девушка, как две капли воды похожая на Шарлотту...

Шарлотте снились удивительные сны. Прекрасные рыцари, средневековые замки, кусты изумительно красивых роз и незнакомец со странным лицом, который, как подсказывало ей собственное подсознание, сыграет решающую роль в ее будущем...

Иногда судьба предупреждает о грозящих неприятностях, подает мистические знаки и символы. И если не прислушаться к тревожному голосу свыше, последствия могут быть весьма трагическими. Высшие силы очень не любят, когда их подсказки игнорируют...

Содержание

Москва: холодное лето	4
Понедельник, день тяжелый...	7
Швейцария: знойное лето	11
Плоды акклиматизации	13
Чудный вечер в Версуа	16
Ночные открытия	20
Шарлоттины сны	22
Новый день	26
Польская фракция	29
Секреты Лорен	33
Старик Жосье	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерия Леман

Сны мертвой девушки из Версуа

Москва: холодное лето

Бесконечные узкие улочки с симпатичными домиками, похожими на пряничные дворцы фей; каменные и деревянные ограды, украшенные вазонами с цветущей геранью; изумрудные лужайки и ажурные беседки, увитые розами; лица в окнах за крахмальными белоснежными занавесками, исчезающие, как только я попытался поймать чей-то взгляд...

Все было против меня: эти прячущиеся люди, глухие заборы и раскаленное дыхание каменных мостовых. Когда становилось совсем невмоготу, я поднимал голову, смотрел на невероятно высокое, серебристо-голубое небо, и от этой картины, как от глотка свежей воды, жажда и усталость словно отступали, и я вновь шел, переходил на бег, будто кто-то невидимый звал меня.

Так я бесконечно кружил по улицам незнакомого городка, пытаюсь понять, что тут делаю, кого или что ищу, как вдруг оказался перед низкой дверью из потемневшего дерева, обрамленной гирляндой из сочно-зеленого хмеля, которым была покрыта также каменная ограда. Пока я стоял и бессмысленно пялился на эту загадочную дверь, чувствуя, как бешено стучит мое сердце, незнакомый девичий голос за спиной выдохнул: «Здесь». Я обернулся и в то же самое мгновение, словно меня толкнули в спину, проснулся.

Пробуждение было подобно путешествию со скоростью света: из жаркого городка я в одно мгновение переместился в двухэтажный дом с петушком на флюгере, построенный отцом для мамы в зеленой зоне окраинной Москвы.

Дом был отстроен, когда стало окончательно ясно, что вместе родители жить не будут даже ради нас с Ольгой, любимых деток, благо что к тому времени мы уже вполне встали на ноги. Моя мама, профессор МГУ, страстный ботаник и траволоб, развела вокруг дома чудный сад, посадила шиповник и жасмин вдоль дорожек, а во внутреннем дворике выстроила великолепную оранжерею с кофейными деревцами, ананасами и прочими экзотическими радостями. Когда несколько лет назад она переселилась в Танзанию, чтобы работать в местном национальном парке Серенгети, то перед отъездом со слезами на глазах умоляла меня не погубить ее зеленое царство. Я, не доверяя собственным талантам в области флоры, нанял самого сумасшедшего студента Тимирязевской академии Василия Щекина, который и по сей день не только блестяще справляется с обязанностями садовника, но к тому же великолепно готовит и вообще является моим добрым другом и товарищем. Окончив в прошлом году академию, Васек перешел ко мне на постоянную работу, поселившись в небольшой уютной комнате под лестницей. Завершая эту небольшую вступительную часть, мне остается лишь самому представиться: Ален Муар-Петрухин, приятно познакомиться!..

Словом, вот в эту мирную атмосферу моего тихого дома я и перенесся тем утром из своего жаркого сна. Отбросив в сторону слишком теплое одеяло, я схватил с тумбочки стакан воды и жадно выпил. Часы показывали 6.30 утра. Я замер, прислушиваясь. Дом был погружен в тишину. В это время Васек, встающий не позже пяти, обычно уже всюду трудится в саду или оранжерее, после чего отправляется на кухню готовить для нас завтрак.

Я открыл зашторенное окно и выглянул наружу: так и есть, мой друг и садовник поливал из шланга молодые яблони в самом конце сада. Надо сказать, лето в том году больше походило на осень. Чередой шли хмурые, прохладные дни. Москвичи, поначалу пытавши-

еся, согласно сезону, носить легкую летнюю одежду, были сломлены в кратчайшие сроки и вновь напялили плащи и куртки. Вот и Васек занимался поливом в прикиде рыбака с промыслового судна: в огромных резиновых сапогах, болоньевых утепленных штанах, в куртке и черной вязаной шапочке.

Поежившись от холодного ветра, я поспешил закрыть окно. Мало радости, когда тринадцатого июня на градуснике только семь градусов выше нуля. И отчего этот сон про зной, незнакомые улицы, атмосферу тайны? И этот голос, до сих пор стоявший в моих ушах: «Здесь»? Я быстро оделся и спустился на кухню.

Каждый, кто меня хоть немного знает, в курсе, что кухня – мое самое любимое место в доме. Просторная и комфортная, она всегда встречает меня приятными запахами, будь то «отголоски» вчерашнего роскошного ужина или аромат свежеприготовленного кофе. Вот и сейчас, едва войдя, я с удовольствием втянул носом воздух, мгновенно уловив слабый кофейный дух: разумеется, перед тем как отправиться на утренние работы в саду, Васек организовал себе чашечку капучино.

Повторюсь: я люблю свою кухню. Когда-то, вселившись в дом в качестве полноправного хозяина, я основательно переделал под свой вкус именно кухню-столовую. Практически вся стена над разделочным столом, как и дверь, ведущая на террасу, – из толстого стекла, что позволяет мне в любую погоду, в любое время года, занимаясь, к примеру, будничным приготовлением омлета, любоваться красивейшим видом: то зимнего сада, покрытого белым снегом, искрящимся в розоватых лучах восходящего солнца, то цветущими яблонями и грушами, источающими одуряющий аромат, или изумрудной зеленью деревьев, стряхивающих с веток капли летнего дождя, а то золотыми красками осени, день за днем срывающей листья и покрывающей ими землю великолепным ковром.

Сегодня вид за окном был не особенно веселым, но тем более уютной и теплой казалась моя кухня, кроме чисто внешнего симпатичного дизайна снабженная всеми современными прибабасами, призванными сделать жизнь одиноких мужчин беззаботной и радостной. Поскольку в то утро меня взволновал таинственный сон, да и погода не вызывала вдохновения, я решил ограничиться пиццей с ветчиной, сунув пару штук в микроволновку. Тем временем, занимаясь помолом кофе на ручной кофемолке, я наблюдал, как на специальной площадке рядом с оранжереей Васек тщательно отмывает аккуратно сложенные шланги и свои сапоги. После процедуры омовения он исчез вместе со шлангами в оранжерею и через пять минут появился уже в кроссовках, джинсах и свитере, румяный и тщательно причесанный на косою пробор. В оранжерею имеется специальная комната, где Васек переодевается и наводит красоту, после чего по чистой, мощенной плиткой дорожке, через террасу попадает на кухню без следа какой-нибудь пыли на подошвах. Чистота в доме и даже в саду, с его газонами и гравиевыми тропинками, – наш с Васьком пунктик. Согласитесь со мной: каждый имеет право на невинный бзик.

– Что-то ты сегодня рано вскочил, на тебя это не похоже, – приветствовал меня Васек, тут же подозрительно потянув носом. – Никак на завтрак у нас будет пицца? Конечно, полуфабрикат.

Я пожал плечами:

– Ну и что? Вполне приличный полуфабрикат, полмира ими питается. Не делайте из еды культа, уважаемый.

Несмотря на нелюбовь к полуфабрикатам, Васек в мгновение ока уничтожил свою порцию, и за кофе (надо сказать, на завтрак мы всегда ставим джезву на две большие кружки) я рассказал ему свой странный сон. Бесконечный лабиринт чистеньких улочек, цветы и дома и раскаленное солнце – я вновь, как наяву, пережил все перипетии, лишь удивляясь, что это был только сон.

Между тем реакция прагматика Васька была сдержанно иронической.

– Ты придаешь слишком большое значение снам, – кратко прокомментировал мое взволнованное повествование Васек.

Разумеется, я не мог с ним согласиться. У меня нет привычки придавать большое значение снам. По большей части я их просто не запоминаю: сумбурная мешанина из переживаний дня, смутных ожиданий, нереализованных желаний. Когда умерла моя любимая бабуля Варвара, что всю жизнь прожила в деревне Перепелкино под славным городом Тулой, какое-то время сны были напоминанием о ней: она появлялась в них разной, то совсем молодой, какой я ее никогда не знал, то больной и усталой. Один раз мне приснилось, что она сошла с ума. И все-таки я не часто думаю об этом; сны – часть нашего нереализованного «я», и только.

Все это я попытался сформулировать и не без патетики произнес вслух, что, однако, привело лишь к появлению очередной серии иронических улыбок на лице моего собеседника. Васек хмыкнул и произнес:

– Да уж.

В отместку я немедленно улизнул наверх, оставив на него мытье посуды после завтрака. Мою совесть успокаивало то, что он ведь мог запросто загрузить все в посудомоечную машину и оставить там до обеда.

Понедельник, день тяжелый...

Итак, на календаре был понедельник, тринадцатое июня, на часах – 8.10 утра, и я решил, что пора мне одеваться потеплее да отправляться в трехэтажный старинный особнячок на Кузнецком мосту. Именно здесь на первом этаже располагается уютный косметический магазинчик «Сады Семирамиды», наполненный одуряющими ароматами, а на втором – контора парижской косметической фирмы отца под тем же названием, где я числюсь главой рекламного отдела.

Сразу оговорюсь: можно по пальцам перечислить дни в году, когда я сижу в конторе и делаю что-то полезное для отцовского бизнеса. Но поскольку я, не доучившись в свое время на журфаке Московского университета, на отделении прозы в Литературном институте и бросив после первого курса актерский факультет ВГИКа, так и не нашел своего истинного призвания в жизни, безутешно от того страдая, мой отец, удачливый коммерсант Жюль Муар, которого мы с сестрой между собой чаще зовем Старым Лисом, и, собственно, сама сестра по имени Ольга, успешно окончившая экономический институт и возглавившая московский филиал «Садов», сжалились надо мной, прописав в родной фирме в качестве главной акулы рекламы. Таким образом, у меня, по крайней мере, имеется приличный ежемесячный доход и статус полезного члена общества. О чем еще можно мечтать в наше суровое время в нашей суровой стране?

Остается уточнить, еще раз вернувшись к теме семьи во избежание дальнейших недоумений, что я – московский полукровка. Моя мама, Маргарита Петрухина, трудящаяся ныне, как уже было сказано, на благо солнечной Танзании, человек русский, мой отец – француз, парижанин. Внешне я похож на него: такие же волосы рыжеватого отлива и светлые глаза, а вот характером выдался не в мать и не в отца, а в уже упомянутую мною бабулю Варвару Ильиничну из-под Тулы: она любила стряпать, петь матерные частушки и глядеть в окно. Таким образом, ее любовь к кулинарии, поэзии и наблюдениям за родом человеческим перешли ко мне, что, на мой взгляд, ничем не хуже финансовых талантов моей сестры или коммерческой жилки отца.

Итак, я поднялся к себе в спальню, надел костюм с водолазкой и уже совсем было смирился с мыслью ехать на Кузнецкий, как спасительно заверещал мой мобильный. Я ухватился за него, как утопающий за соломинку.

– Алло, Ален?

– К вашим услугам.

– Мне не до шуток. Ты меня узнал?

Честно сказать, узнал я не сразу – испуг меняет не только лицо, но и голос, и узнать в хрипловатой, отрывистой речи вальяжное мурлыканье Сони Дижон, согласитесь, задача не из простых.

– Соня?

– Да, да, это я! Ты мне очень нужен!

Когда-то у нас с Соней был роман, точка в котором до сих пор не поставлена. Вина в отсутствии хеппи-энда всецело лежит на этой девице, которая периодически влюбляется в совершенно посторонних мужчин, даже не извиняясь передо мной в каждом отдельном случае. Что и говорить, в связи с этим слышать последнюю фразу было весьма приятно.

– Это обнадеживает, – немедленно отозвался я.

– Что там тебя обнадеживает? – раздраженно фыркнула Соня и тут же сама себя оборвала: – А впрочем, это абсолютно неважно. Тут произошло нечто дурацкое и непонятное,

и я не знаю, что делать. Короче, Алэн, если ты немедленно сюда не прилетишь, я брошусь в озеро.

Честно говоря, я не был в курсе последних Сониных передвижений, поэтому фраза про прилет и озеро сбила меня с толку. Соня, выпускница художественного факультета ВГИКа, живет в собственном шале в зеленой зоне Подмосковья, где до сих пор, насколько мне помнилось, не наблюдалось ни взлетных полос, ни глубоких озер.

– Так ты прилетишь? – нетерпеливо почти выкрикнула она, видимо, приходя в бешенство от малейшей заминки.

– Да, собственно, в чем дело? – заразился и я ее раздражением. – Что ты мелешь – куда лететь, в каком таком озере ты собралась топиться?

Она шумно выдохнула:

– О, господи! Ну, разумеется, в Женевском, если, конечно, до этого дойдет. Не будь кретином, ты мне нужен здесь, в Швейцарии. Как только возьмешь билет на самолет, немедленно позвони мне, иначе я с ума сойду.

С этими словами трубка прощально запищала. Вот таким макаром женщины начисто сносят нам крышу, а потом заявляют, что это МЫ довели ИХ до сумасшествия. В холодное московское утро позвонить и, ничего толком не объяснив, приказать срочно лететь в Швейцарию!

Я взглянул на часы: учитывая двухчасовую разницу во времени, в Женеве сейчас шесть с копейками утра. Фантастика! Никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах ленивица Соня не просыпается раньше двенадцати. Значит, действительно случилось нечто серьезное.

Я прошел в кабинет, находящийся по соседству с моей спальней, и, засев за компьютер, выяснил время ближайшего рейса на Женеву, немедленно оформив заказ билета. Я также ознакомился с прогнозом погоды, с восторгом обнаружив, что пока Москва стучит зубами от холода, швейцарцы превращаются в плавленые сырки при ежедневной температуре тридцать шесть градусов выше нуля. Неплохо.

Я побросал в сумку светлые майки и шорты, а также кучу мелочей, включая бритву и крем от загара, после чего легкой походкой спустился на первый этаж, где Васек, изредка заглядывая в раскрытый том Кастанеды, с самым серьезным видом занимался Тенсегрити, или, проще говоря, магическими пассажами.

– Ты в «Сад»? – немедленно прекращая махи и выдохи, проговорил он, как всегда, стесняясь своего очередного увлечения. Под «Садом» подразумевалась контора «Садов Семирамиды».

– Нет, мы не в «Сад», мы – пить кофе на дорожку, – бойко ответил я, бросив сумку на диван и энергично направляясь на кухню.

Естественно, Васек последовал за мной.

– На дорожку? – удивленно повторил он, наблюдая за моими манипуляциями с джезвой. – Ты собрался куда-то ехать? Далеко? Ни с того ни с сего! Надеюсь, ничего ужасного не случилось?

Что я мог ответить на этот каскад вопросов?

– Понятия не имею – ужасное или не очень, но нечто случилось, причем не где-нибудь в Усть-Урюпинске, а в прекрасной Швейцарии, и не с какой-нибудь Верой Буниной, а с любовью всей моей жизни по имени Соня, которая только что звонила в полуобморочном состоянии.

Вера Бунина не так давно гостила в нашем доме полдня, оставив о себе незабываемые впечатления, так что Васек имел о ней достаточно полное представление, чтобы оценить мой сарказм (в скобках замечу лишь, что в пору беспутной юности мне пришлось на год сбежать в Париж к отцу, чтобы Вера не сковала меня брачными узами своей неистойвой любви).

– Швейцария, – мечтательно проговорил Васек. – Страна банков, шоколада и лучших в мире часов... А еще, говорят, у них изумительное фондю...

– С удовольствием взял бы тебя с собой, – поспешил оправдаться я, – но ты же знаешь – тебе нужно добывать визу, а тут дело срочное.

– О чем ты говоришь! – замахал руками Васек. – Я и не смог бы сейчас никуда уехать: яблоневого саженца никак толком не приживутся, а тут еще эта дурацкая погода, того и гляди, не сегодня завтра снег пойдет... Слушай, а Соня – это ведь та твоя художница, с которой, помнится, тут уже был блокбастер. И что же там у нее приключилось на этот раз?

Кофе был готов и разлит по чашкам. Учтывая, что у меня уже имелся билет на самолет, времени оставалось достаточно, чтобы потравить байки с Васьком на нашей милой кухне с видом на ненастное лето.

– Ты абсолютно прав, это та самая Соня. Она, как и я, полукровка, – ввел я Ваську в курс дела. – В свое время у нас была целая шайка – русские мамы, иностранные папы, мысли на двух языках. Мой Старый Лис, как тебе известно, парижанин. Ты также знаком с Заки Зборовски, чей папа – израильтянин из Иудина колена. Есть у меня еще дружок Леня Квятэ – чернокожий блондинчик с папой из Бенина, тоже весьма выразительный тип. Но надо всей этой публикой царствует, безусловно, Соня Дижон. Ее папа родом из благополучной и чистенькой Швейцарии, мама – профессор МГИМО, так что, можешь быть уверен: эта девочка родилась с золотой ложкой (да целой поварешкой!), полной черной икры, во рту.

Сонин папа уже года два как помер, но хуже от того ей не живется. Она – в полном смысле свободный художник: пишет уму не постижимые (по крайней мере, моему) картины, без проблем устраивает там и тут выставки, лопатой гребет деньги, не забывая себе голову никакими житейскими проблемами. Насколько я знаю, время от времени она наведывается отдохнуть в Швейцарию, где неподалеку от Женевы живет ее тетка. Могу, кстати, напомнить тебе тот самый «блокбастер», который ты упомянул в связи с Соней: однажды она стала нежелательным свидетелем в деле об убийстве и ее хотели убрать, причем просто виртуозно – моими руками. Так что серьезная проблема лишь единожды возникла в Сониной жизни, но решать ее пришлось (ты – свидетель) мне. Естественно, я вовремя во всем разобрался и спас любимой девушке жизнь. И вот теперь ни свет ни заря Соня там, в прекрасной Швейцарии, уже на ногах и требует моего присутствия. Меня точит любопытство: что же такое в стране молочных рек и шоколадных берегов могло приключиться?..

Что и говорить – наша с Васьком легкомысленная кухонная болтовня внезапно вылилась для меня в сентиментальное и ностальгическое путешествие в прошлое. Странная штука – жизнь. Ты живешь – ешь, спишь, мечтаешь, – и кажется, так будет всегда и вечно, ты никогда не станешь старым, немощным и со всех сторон абсолютно непривлекательным. Как поется в старой рокерской песне: «Вечно молодой, вечно пьяный...» И все-таки однажды у каждого из нас, грешных, наступает такой момент, когда мы с удивлением замечаем в своем привычном облике первые признаки надвигающегося пенсионного возраста: седые волоски, поначалу совершенно малоуловимые изменения в лице...

А ведь все было словно вчера: солнцем залитое окно на втором этаже четырехэтажного корпуса института кинематографии имени Герасимова, мое юное и прекрасное лицо с непокорными вихрами, бесшабашная улыбка на дерзком лице... Я стоял и улыбался, потому что на подоконнике прямо передо мной сидела тоненькая красотка в узких джинсах, с увлечением читая какую-то потрепанную книгу и с хрустом откусывая огромное красное яблоко. У красотки были блестящие, черные как смоль волосы до плеч, благодаря удивительной солнечной подсветке со спины, отливавшие медью. Клянусь, если бы я умел держать кисть в руках, я непременно создал бы шедевр в духе великого Леонардо, правда, на фоне моей Прекрасной Девушки на Окне его Мона Лиза показалась бы бесцветной тонкогубой прачкой.

Но рисовать я не умел ни правой, ни левой рукой, а потому попросту подошел к девушке и замысловато поклонился (так кланялись мушкетеры прекрасным дамам):

– Прекрасная незнакомка, прости меня за то, что дерзко осмеливаюсь докучать, но я просто не в силах...

Так я начал, но был немедленно прерван этой самой незнакомкой, которая молча подняла на меня взгляд дивных синих глаз, от чего я едва не поперхнулся. Она несколько секунд внимательно изучала мое лицо и наконец, не дождавшись продолжения моей речи, произнесла сильным голосом:

– Ну, вас бы я прекрасным незнакомцем не назвала, вы рыжий и чересчур худой, но познакомиться все равно рада, потому что еще ни с кем другим познакомиться тут не успела. Как вас зовут, милейший?

– Милейший! – я в одно мгновение вновь обрел голос и даже слегка откашлялся. – Мелочь, а приятно, пусть не красавец, но – милейший. А зовут меня просто и внятно: Ален Муар-Петрухин. Чтобы для вас все с самого начала встало на свои места, полагаю нелишним пояснить...

– Мерси, уж мне-то пояснять ничего не надо, – только и хмыкнула моя синеглазая красавица. – Потому как меня зовут Софи Дижон, или просто – Соня. Полагаю, мы с вами оба – полукровки. Кто у вас из французов – маман или папá?

– Папá, – ответил я. – Жюль Муар, для своих – Старый Лис, родом из славного городу Парижу.

– Аналогично, – кивнула она. – Только мой папá – из славного городу Женева. Итак, приятно познакомиться!

Мы не без торжественности пожали друг другу руки и тут же, не мудрствуя лукаво, отправились вместе отобедать в буфет Школы (так мы называли ВГИК).

Вот так состоялось мое знакомство с любовью всей моей жизни, которая позвонила энное количество лет спустя, вырвав меня из унылой спячки холодного московского лета в хитросплетения покуда неизвестных мне событий...

Я вздохнул и торопливо допил свой кофе. Было решено, что до Шереметьева мы доберемся на моем «Пежо», а оттуда Васек, имеющий доверенность, пригонит машину домой. Мы прибыли на место за полчаса до окончания регистрации, и, стоя в многоязычной очереди, я позвонил Соне, дабы успокоить ее мятущуюся душу радостным известием о своем скором прибытии. Она ответила после первых же сигналов.

– Слава богу, – с искренним облегчением произнесла она. – Разумеется, я встречу тебя в аэропорту и по дороге введу в курс дела. Уверена, ты тут во всем быстренько разберешься. Какая удача, кстати, что ты свободно владеешь французским, хотя и с парижским прононсом.

Проговорив последнюю реплику, она неопределенно хмыкнула и без слов прощаний дала отбой. Тут подошла моя очередь, девушка в форме быстро прошерстила мои документы, тиснула наклейку на мою сумку, и я, махнув Ваську рукой, оказался за стеклом.

– Не забудь попробовать фондю! – прощально крикнул Васек.

Мне бы его заботы! Впереди было четыре часа монотонного полета и встреча с ужасными и опасными Сониными тайнами под жарким швейцарским солнцем, где мне придется хитрить, работать мозгами, знакомиться с миллионом людей и, возможно, время от времени даже рисковать своей шкурой. Собственно, это я и называю настоящей жизнью.

Швейцария: знойное лето

Как это ни казалось нереальным в продрогшей Москве, а в женевском аэропорту и вправду всюду светило солнце, так что, едва покинув самолет, я тут же едва не спекся в своем кашемировом костюме и водолазке. В полупустом зале прилета меня энергично приветствовала молочно-шоколадная буря, которая при ближайшем рассмотрении оказалась великолепно загорелой Соней в белоснежных шортах и майке.

– Это все твои вещи? Негусто. Во что ты одет! Наверное, перепутал Женеву с Аляской. Господи, как ты похудел! – бросая эти фразы, Соня кружила меня, дергала то за сумку, то за рукава, и при этом на ее лице не мелькнуло и тени улыбки.

– Ах, Ален, ты такой... московский, – неутешительно заключила она, останавливаясь наконец передо мной со скрещенными на груди руками.

Стройная брюнетка с длинными волосами – Соня ни на грамм не изменилась за все годы, что я ее знал, но на этот раз нельзя было не отметить ее мрачности, тревоги, проскальзывавшей даже в ее монологе про мой столь «московский» внешний вид.

– Не наезжай, – огрызнулся я, ощущая, как все мое тело покрывается противным липким потом. – Переоденусь в машине. К твоему сведению, в столице нашей родины – холод собачий.

Соня молча кивнула и, грациозно развернувшись, направилась к выходу. Я потрусил за ней, сгорая от желания поскорей скинуть с себя, как наследие холодной Москвы, всю эту жаркую, тяжелую одежду. Мы прошли по стоянке, мимо ярких и чистеньких, словно игрушечные, машин, прямо к белоснежному «Шевроле» с открытым верхом, за руль которого Соня и уселась во всем своем великолепии.

Я бросил сумку на заднее сиденье и устроился рядом с Соней, отметив про себя, что если быстро переоденусь в белые майку и шорты, то прекрасно впишусь в общий антураж: жгучая брюнетка и мужественный шатен, оба – в белом. Эстетика.

Соня первым делом нацепила на нос солнцезащитные очки, уверенно вывела машину со стоянки и вырулила на шоссе. Я немедленно принялся за переодевание, а она, перекрывая гул ветра, сказала:

– Давай я сразу введу тебя в курс дела – пока что в самых общих, так сказать, чертах...

Соня почти выкрикивала каждое слово уверенным и сильным, с хрипотцой, голосом, чем-то напоминающим голос божественной Эдит Пиаф.

– Я живу здесь у тетки Лорен, в Версуа, это всего в семи километрах от Женевы! – кричала она, не отрывая взгляда от дороги. – Милый городишко, а у Лорен классный домик, там и ты остановишься, потому как отели тут, сам догадываешься, дорогушие. Сразу предупреждаю: есть темы, на которые при Лорен говорить нельзя, – о покойниках, и в частности об утопленниках. Совсем недавно, в мае, у нее погибла единственная дочь Шарлотта – утонула в озере. Вроде как самый натуральный несчастный случай, хотя не все еще ясно. Шарлотте было только шестнадцать лет, школьница. Не помню, рассказывала я тебе когда-нибудь про свою швейцарскую тетку? Это был целый сериал со страстями: Лорен неожиданно родила себе дочку уже в солидном возрасте. На тот момент единственным ее родным человеком был мой папа. Но что он мог? Лорен наотрез отказалась говорить о том, кто отец ребенка, так что о счастливой свадьбе, сам понимаешь, речь даже и не шла. Но, как бы там ни было, а дочь стала единственной радостью Лорен в жизни.

К этому моменту я избавился от пиджака, водолазки и брюк и теперь торопливо натягивал слегка помявшиеся в сумке шорты. Соня, бросив на меня беглый взгляд, одобрительно кивнула.

– В нынешнем году я приехала к Лорен с подругой. Да, собственно, и не подруга она мне, эта Оля. Просто увязалась за мной на швейцарский пленэр. И вот представь: Лорен в нее с первого взгляда влюбилась, потому как эта Оля – вылитая Шарлотта, такая же рыжая. Лорен поселила ее в дочкиной комнате, кофе по утрам в постель приносила. И вдруг – бац! – тут Соня кулаком грохнула по рулю, и машину едва не вынесло с полосы. – Бац! Ольга пропала! Лорен плачет, говорит, над ней проклятие, а я просто в панике. Слава богу, ты здесь.

Наконец я переоделся в летнее и мог вздохнуть свободно. Сонин рассказ лишь улучшил мое настроение. В столь симпатичной стране, как Швейцария, даже трагедии наподобие смерти единственной дочери тетюшки Лорен выглядят как киномелодрама с номинацией на «Оскар» за лучший сценарий, актерскую игру и музыкальную тему: рыжеволосая юная красавица на портрете в темной рамке, неутешная мать...

Что касается пропавшей Ольги, тут все стократ оптимистичнее: наверняка прекрасная россиянка элементарно встретила классного веселого швейцарца, владельца сыроварни, и порешила исчезнуть с ним на медовый месяц. Банально, но романтично. И потом – печально, но факт! – девяносто девять процентов русских девушек, таких же, как эта неизвестная мне Ольга, отправляются в Европу вовсе не для того, чтобы живописать полотнашедевры. Они хотят подловить здесь приличного мужика и выскочить замуж, обеспечив тем самым себя и свое будущее потомство превосходным пленэром до конца жизни.

Мне хотелось петь и улыбаться. Я – в Швейцарии, наслаждаюсь солнцем, теплом, чудными пейзажами и смешными Сониными проблемами. Жизнь прекрасна! Я любовался пряничными домиками, яркими цветами вдоль дороги и безоблачным голубым небом.

– Перестань скалиться, у тебя совершенно ненормальный, приторный и счастливый вид, – прервала мою нирвану Соня. – Эту дурочку Олю наверняка уже грохнули в тихом месте и сплывили в озеро, а ты тут расплываешься как идиот. Не забывай, я вызвала тебя для работы.

Вот так-то. Собственно говоря, Соня была абсолютно права: настоящая моя работа – не рекламировать парижский парфюм, а вытягивать друзей из беды. Если хотите, я – сыщик-любитель, последователь комиссара Мегрэ и Ниро Вульфа, рассматривающий жизнь как цепь закономерных случайностей, ведущих к разгадке житейских тайн.

Солнце светило, мы мчались по великолепному шоссе, лоб приятно обдувало ветром. Не успел я налюбоваться на чудные рабатки с красной геранью вдоль шоссе, как промелькнул голубой прямоугольник указателя с надписью «Versoix». Мы были на месте.

Плоды акклиматизации

Сониная тетушка Лорен Дижон жила в классическом швейцарском домике в два этажа из розоватого камня, с узкими высокими окнами и черепичной крышей. Все окна украшала ярко-красная герань, она же цвела в длинных деревянных ящиках на веранде и в круглых латунных горшках, подвешенных тут же, на крюках. В саду на фоне зеленой травы весело пестрели полосатые шезлонги, в одном из которых сидел худой длинный парень в черных джинсах и майке, странно контрастируя со всеми этими жизнерадостными красками лета. При виде нас он нерешительно поднялся и двинулся навстречу.

– Это Шарль Монтесье, местный богатенький буратино: несмотря на юный возраст, обладатель умопомрачительного счета в банке. Мы с Ольгой между собой звали его Шариком, – шепотом сообщила мне Соня, пока парень не приблизился, протянув для пожатия руку, сплошь покрытую витиеватым рисунком татуировки.

– Добрый день. Меня зовут Шарль.

– Ален.

– У вас французское имя.

– У меня и папа французский.

Он усмехнулся, пристально глядя на меня. Глаза у него были необыкновенно яркого синего цвета, взгляд – цепкий и внимательный. Казалось, парня постоянно точит какая-то неотступная мрачная мысль... Или он просто напускал на себя таинственный вид, чтобы нравиться девчонкам.

Повисла неловкая пауза, и Шарль, видимо, почувствовал необходимость оправдать свое появление на лужайке у дома Лорен.

– Мадам Дижон сказала, что приезжает еще один гость из России, и мне стало интересно, – сказал он. – Приятно познакомиться.

Я поспешил заверить, что и мне весьма приятно познакомиться с ним. Шарль, засунув руки в карманы джинсов, довольно вяло пригласил нас с Соней к себе в гости.

– Спасибо за приглашение, непременно зайдем, – ответил я, в то время как Соня потихоньку тянула меня к крыльцу.

Мы вежливо раскланялись, и Шарль неторопливо направился к калитке, а мы с Соней – к дому; на веранде в буквальном смысле столкнулись с тетушкой, как раз выходящей из дверей.

Это была высокая сухопарая женщина в белой блузе и бриджах, загорелая, рыжеволосая и голубоглазая, с чертами лица довольно-таки крупными и грубоватыми, которые, сказать по правде, гораздо больше подошли бы мужчине.

– Лорен, это и есть мой давний друг Ален Муар-Петрухин из Москвы, – Соня сделала торжественный жест, почти церемонно представляя нас друг другу. – Ален, познакомься – это Лорен, моя любимая тетушка.

Ответив на приветствие, Лорен окинула меня быстрым оценивающим взглядом, от чего я почувствовал одновременно неловкость и раздражение. Почему это сегодня все меня разглядывают, точно цветную картинку в книжке? Сначала Соня в аэропорту, затем этот мрачный Шарль, теперь вот тетушка Лорен.

– Вы не голодны? Я приготовила отбивные с капустой, – прервала она мои сердитые мысли и вдруг улыбнулась, словно прочла на моем лице весь список претензий к этому миру и лично к ней.

Потом она решительно забрала мою сумку и, сделав приглашающий жест, широкими шагами направилась к лестнице. Соня лучезарно улыбнулась и потянула меня вслед за ней.

Что и говорить, этот день с самого начала не задался. Все было наспех, кое-как. Соня без перерыва болтала, заливая меня самой бессвязной и разнородной информацией, моя несчастная голова начинала потихоньку кружиться и трещать, мои кроссовки оказались слишком теплыми для швейцарской жары. После торопливого обеда, во время которого Лорен периодически бросала на меня испытующие взгляды, словно мысленно задавая вопрос: «Найдешь ли ты Ольгу, или мне не на что надеяться?», Соня торопливо потащила меня в Женеву, чтобы, как она выразилась, «немного приодеть москвича по-европейски».

В городе мы долго не могли припарковаться, а когда это наконец удалось, нам пришлось пилить до ближайшего магазина одежды добрых пятнадцать минут. От жары и духоты у меня окончательно разболелась голова, к тому же Соня бесконечно что-то говорила о пропавшей Ольге, хотя я был абсолютно не в состоянии воспринимать какую-либо конкретную информацию. Положа руку на сердце, мне хотелось одного: принять холодный душ и лечь спать в тихой темной комнате, куда не доносилось бы ни звука. Вместо того после посещения магазинов, несмотря на то что мы оба были нагружены пакетами с покупками, Соня потащила меня в кафе у озера, где беззаботные счастливые женеvцы непринужденно пили кофе, хохотали, курили, стократ усиливая мою и без того адскую головную боль. Вся набережная была заставлена машинами, мотоциклами, велосипедами, яхтами и лодками всех видов, знаменитый женеvский фонтан острым клинком врезался в синь неба, и я представлял себе, как подставляю голову под эту струю и взлетаю вместе с ней на сто сорок метров, пропитываясь холодной оживляющей влагой.

– Ты меня вообще слушаешь? – сердито проговорила Соня, щелкая при этом зажигалкой и выпуская струю дыма прямо мне в лицо. – Я тебе говорю, что папочка этого Шарля Монтесье – владелец солидного пакета акций да плюс к тому – сети магазинов «Ваш сад», так что сынок с рождения катается как сыр в масле. То, было дело, он возомнил себя новым Кандинским, вдохновенно малюя квадратики-полосочки и пытаясь через папочкиных друзей устроить собственную выставку. Потом вдруг неожиданно ощутил себя великим ботаником и попытался вырастить какой-то особенный сорт орхидеи. В настоящий момент его увлечение – кинематограф, он даже приглашал меня в качестве художника-постановщика на свой фильм, к которому пока еще только пишет сценарий. Разумеется, гениальный. Мне кажется, на это его вдохновила смерть Шарлотты – Лорен говорила, что вроде как у них был роман.

Я плавал в океане боли, невидимая электродрель с визгом вкручивалась в мой правый висок – или то доносились беспечные крики детей с детского пляжа, находящегося как раз за кафе?

Соня вдруг замолкла, внимательно на меня посмотрела и залпом допила свой кофе из чашечки-наперстка.

– Господи, Ален, да ты просто живой труп. Наверное, это акклиматизация. Поехали домой.

Не помню, как мы добирались до Версуа, что говорила мне по дороге Соня, о чем они спорили с Лорен по прибытии на место и отчего Лорен все время неодобрительно качала головой. Я ждал счастливого мига – падения на прохладные простыни в комнате с зашторенными окнами. Когда это, наконец, случилось, мое сознание почти угасло, и я совершенно не запомнил ни комнату, в которую меня провели, ни даже кровать, на которую упал, как в облако сна.

Я снова шел – нет, с трудом плыл, раздвигая руками густые, осязаемые облака горячего пара – по улицам городка, но теперь он не был незнакомым. Я знал, что это Версуа и что дверь, к которой я подошел, – дверь в дом тетушки Лорен. Правда, дверь эта была не та, что в первом сне, но сейчас это словно не играло никакой роли. Меня просто вела к этой двери

юная рыжеволосая девушка в белом платье, и я знал, что это и есть утонувшая Шарлотта. А может, то была пропавшая Ольга? В этом я не был стопроцентно уверен. Главное, что мы вместе подошли к двери, и кто-то третий за моей спиной снова повторил это слово-выдох: «Здесь».

Чудный вечер в Версуа

Я проснулся под вечер от шума дождя. Осторожно повернувшись, обнаружил, что голова перестала болеть, и это наполнило меня величайшей радостью. В полумраке комнаты я прошел к окну и открыл его, с наслаждением вдыхая живительный озон и свежесть.

В трехэтажном – на несколько семей – доме напротив ярко горели все окна, по дороге за живой изгородью, мягко шелестя шинами, проезжали машины, слышались веселые голоса и смех. Жизнь продолжалась, и атмосфера этой чистенькой цветочной страны – атмосфера жизнелюбия, легкости и радости – наполнила, наконец, мою грудь. Мне захотелось куда-нибудь пойти, поехать, чтобы знакомиться с людьми, слушать их рассказы о себе, чтобы посидеть на террасе какого-нибудь уютного кафе, потягивая горячий кофе, слушая французскую речь, размышляя над своим таинственным сном, предвосхитившим прилет в эту страну. Жизнь прекрасна и полна неожиданностей, главное – чтобы не болела голова.

Я обернулся, и наконец внимательно рассмотрел комнату. Безусловно, это была комната Шарлотты, где жила до своего исчезновения и Ольга. Высокая деревянная кровать, комод с зеркалом, у одной стены – массивный платяной шкаф, у другой – письменный стол и полка с книгами; на полу – тонкий коврик с африканским рисунком. Эта комната всей своей обстановкой, не менявшейся, наверно, с какого-нибудь затертого века, когда здесь жили предки Лорен, навевала покой.

Я ясно представил себе, как нескладная рыжая девушка, лежа на этой кровати с книжкой в руках, время от времени отвлекалась от чтения и смотрела в окно, на луну и звезды. Наверняка она пользовалась торшером, стоявшим слева от кровати, – на длинной деревянной ноге, с абажуром зеленого цвета, украшенным бахромой. Я включил его, и комната стала еще уютнее. В этот момент раздался негромкий, но четкий стук, и тут же дверь открылась, пропуская Соню.

– Ты уже пришел в себя? Боже, как ты нас напугал. Лорен настаивала на том, чтобы вызвать врача, но я-то знаю твою нелюбовь к медицине, поэтому попросту дала выспаться и приготовила зеленый чай.

Она приблизилась, протянула мне чашку чая, и я немедленно его выпил, с благодарностью взглянув на свою целительницу. На ней были темные брюки и алая рубашка, расстегнутая почти до пупка, а губы – ярко накрашены и растянуты в улыбку. Догадываетесь с трех раз, чем мы были заняты ближайшие час-полтора. Впрочем, к расследованию это не имеет никакого отношения.

...В одиннадцатом часу городок утонул в сливочно-нежных сумерках, все звуки словно стали тише и мягче. После ужина, в то время как Лорен занялась загрузкой посуды в посудомоечную машину, мы с Соней отправились прогуляться по улочкам Версуа. После теплого летнего ливня каменные мостовые блестели как зеркало. Мы шли мимо славных домиков, будто игрушечных, в которых, казалось, должны обитать если не сказочные феи, то стопроцентно счастливые люди, у коих просто невозможны никакие неприятности и беды. А между тем у Лорен, к примеру, утонула обожаемая дочь. Диссонанс.

Улочка Дегалье, на которой стоял дом Лорен, полукружием шла от главного проспекта, где находились железнодорожная станция, супермаркет и основные автобусные остановки, к тому же проспекту, но немного ниже, недалеко от поворота на пляж. По одной стороне улочки находились школа, дом директора почты, затем – строительного субподрядчика, Сониной тетушки, пожилого рантье со смешной фамилией Барабану и так далее. Прямо напротив дома Лорен, как я уже упоминал, стоял трехэтажный двухподъездный дом, торцом выходивший на частное владение моего нового знакомого Шарля Монтесье. Его дом – по сло-

вам Сони, внушительный особняк в два этажа с французскими окнами – был почти не виден с улицы, во-первых, из-за живой изгороди, аккуратно подстриженной в виде почти двухметровой стены, а во-вторых, из-за целого парка, высаженного на территории этого поместья. Соня также сообщила, что рядом с особняком имеется бассейн, а с обратной стороны – теннисный корт.

– Собственно, этот особняк принадлежит не Шарлю, а его отцу – Роже Монтесье, – также доложила мне Соня. – Роже – этаким красавец-мужчина, одинокий волк, владелец целой сети магазинов, снабжающих всех желающих всевозможными семенами и рассадой для садов и огородов. Мать Шарля давно умерла, и, наверное, поэтому мальчишка, надо сказать, вырос довольно нелюдимым. Этаким бука. И неудивительно, что они с Шарлоттой подружились, – дочка Лорен была, скажем так, не от мира сего.

В это время мы вновь спустились к проспекту, пересекли его и свернули на узкую, утопающую в зелени улочку. По обе ее стороны красовались особняки в окружении лужаек и садилов, с высокими елями вдоль заборов, ронявшими свои ароматные липкие шишки прямо на мостовую к нам под ноги.

– Ты видел книги Шарлотты? – не умолкала Соня. – Весьма странный подбор для шестнадцатилетней девушки. Такое впечатление, что они с Шарлем пытались вызывать духов или что-то в этом роде.

Голоса мягко звучали в теплом воздухе, переплетаясь с доносившейся откуда-то музыкой. Мы вышли к озеру. Вдоль набережной – розоватые гравийные дорожки, в воде – лодки и яхты, а в самом конце, у мола все с тем же пейзажем из белоснежных яхт, светились огнями уютное двухэтажное кафе, в этот час заполненное людьми. Мы нашли свободный столик на террасе внизу и заказали кофе с коньяком. Теперь, удобно устроившись, наслаждаясь прекрасным коньяком и видом на озеро с отраженной в самом центре луной, можно было и поговорить. О чем угодно – о местных ценах, о сортах герани и книжных пристрастиях – просто, чтобы проникнуться духом городка, где сначала погибла одна девушка, затем пропала другая.

– Выглядишь совершенно измученной, – заметил я, глядя на Соню, заказавшую себе сразу две чашки кофе. – От тебя одни глаза остались.

– Еще бы, – горько усмехнулась она. – Двое суток толком не спала, то и дело просыпалась среди ночи, словно кто-то меня толкал. Ума не приложу, что случилось с этой Ольгой и что теперь делать. Давай я сразу расскажу тебе все, что знаю о ее исчезновении.

Соня лихо допила коньяк и закурила.

– Два дня назад была вечеринка у Монтесье, ее устроил Роже по случаю дня рождения Шарля. Нас с Ольгой туда пригласили.

– Естественно, в качестве старинных друзей семьи? – не удержался я от ехидного комментария.

Соня только передернула плечами и кокетливо прищурилась (от коньяка у нее дивно заблестели глаза).

– Нас пригласили, во-первых, потому что мы – красивые молодые девушки и потрясающе талантливые художницы. Во-вторых, на дне рождения был мой хороший приятель, который оказался давним другом Роже, – Пьер Бенини, владелец художественной галереи. Он занимается организацией выставок современного искусства и в прошлом году провел две выставки моих работ – в Женеве и Лозанне. Так вот, на дне рождения были мы с Ольгой, Роже, Пьер, субподрядчик, сосед Лорен; мэр с женой и двумя дочками на выданье и несколько приятелей Шарля – странно, что они у него есть, хотя, я думаю, он просто пригласил своих бывших одноклассников – так сказать, для массовки.

Ольга весь вечер флиртвала с Пьером, Шарль был мрачнее тучи – можешь себе представить, он, кажется, успел влюбиться в Ольгу, потому что она похожа на Шарлотту, я тебе

уже говорила. Под конец гулянки, уже за полночь, Ольга с Пьером куда-то исчезли, и, честно говоря, я о них забыла, поскольку ко мне прилепился этот зануда-субподрядчик. Когда я уже собиралась идти домой, появился Пьер, отвел меня в сторону и раздраженно спросил, не видела ли я Ольгу. Естественно, меня это удивило, ведь они исчезли вместе. Но Пьер сказал, что после того, как они немного потискались в саду, Ольга сообщила, что ей нужно что-то взять у себя в комнате, попросила ее подождать и ушла. Пьер прождал девушку в саду едва ли не полчаса, выкурил несколько сигарет и злой, как черт, вернулся в дом. Честно говоря, тогда я не придала этому никакого значения, решив, что Ольга, не собираясь в отношениях с Пьером идти дальше флирта, таким образом «кинула» его, отправившись домой спать. Пьер не дурак и тоже все понял, потому что на прощанье сказал мне: «Передай своей подруге, что она могла просто пожелать мне спокойной ночи, не заставляя полвечера сидеть в саду». Он очень обиделся. И вот я вернулась домой и совершенно спокойно уснула. А рано утром ко мне ворвалась Лорен с криком, что Ольга пропала. Она, как всегда, понесла ей кофе, но в комнате никого не было, а постель стояла неразобранной. Это было более чем странно.

В кафе стоял гул голосов, столики были заполнены людьми, у всех блестели глаза, все о чем-то болтали, спорили, смеялись. Мы были здесь, пожалуй, единственными, кто говорил на русском языке. И тем не менее мне показалось, что парень, сидевший за соседним столиком, слегка полуразвернулся к нам, словно прислушиваясь к разговору. Впрочем, я успокоил себя мыслью, что ему просто интересна чужая речь. Из лингвистических, так сказать, соображений.

– Ну и что же ты предприняла, узнав об исчезновении Оли? – спросил я.

Соня глубоко вздохнула:

– А что я могла? Конечно, отправилась в дом Монтесье. Роже с Пьером уже укатили в Женеу, Шарль дрых без задних ног. Я попыталась его растолкать, но ничего путного добиться не смогла – бедняга, страдая от ревности, изрядно накачался и был практически невменяем. Затем я пошла к серфингистам. Ольга была влюблена в Михала и запросто могла на ночь глядя отправиться к нему.

– Стоп, стоп, стоп! – сделал я останавливающий жест. – Дорогая, тебя занесло: ты рассказываешь, не вводя меня в курс дела. Что еще за серфингисты, Михалы и Ольгины влюбленности?

Соня и в самом деле, похоже, набралась, а может, бессонница последних дней сыграла свою роль. Во всяком случае, после трех порций коньяка у нее уже закрывались глаза и заплетался язык.

– Влюбленности? Ну да, она сразу влюбилась в Михала, хотя он мне совершенно не понравился. Поляк, одно слово. Я, конечно, понимаю, что Россия держала их в кулаке – «жандарм Европы» и все такое, – но все же не зря кто-то выразился насчет польского «змеиного» языка, что он...

Я взял Соню за плечи и встряхнул:

– Дорогая, опять тебя занесло. Оставь в покое Польшу и расскажи, кто такие эти серфингисты.

– Но они же и есть поляки, – в духе «элементарно, Ватсон», ответствовала Соня. – Группа польских серфингистов, живут тут с начала июня в доме местного владельца яхт-клуба. Он пригласил их для того, чтобы они бесплатно обучали серфингу местную молодежь, взамен предоставив бесплатное жилье и стол. Мы познакомились с ними в этом самом кафе, и Ольга сразу втюрилась в Михала.

– А он как к ней отнесся?

– Как удав, – Соня фыркнула. – Он вообще такой – проглотит и не заметит.

Она совершенно откровенно зевнула и потерла глаза. Я решительно взял инициативу в свои руки, подхватил девушку под белые руки и повел домой. Поскольку я в Версуа был новичком, а Соня – пьяна, мы пару раз едва не сбились с дороги, сворачивая не в те проулки и весело хохоча от собственной беспутности; в первом часу ночи мы таки прибыли на тихую улочку Дегалье, в наш домик, где Лорен давным-давно почивала мирным сном. Я проводил Соню в ее комнату, уложил и даже раздел, как нежная няня, поскольку, едва коснувшись головой подушки, бедняжка просто-напросто отключилась.

Затем я поднялся к себе, включил свет и открыл окно. Дом был погружен в тишину, лишь с улицы изредка доносились звуки – мягкий стрекот кузнечиков, свист пролетающих по дороге машин, а то и смех какой-нибудь парочки, проезжавшей мимо на велосипедах. Словом, по завершении моего первого дня в Швейцарии я находился в гармонии с миром и с самим собой.

Ночные открытия

Итак, стояла тихая ночь, а я совершенно не хотел спать, сидя у открытого окна, с видом поэта-лирика глядя на звезды. Не знаю, как вы, а я твердо убежден, что все на свете имеет душу. К примеру, дом Лорен. «Неживая природа» – скажете вы и будете не правы. Подумайте сами: когда-то давно какие-то люди строили этот дом; изо дня в день шла работа, у людей менялось настроение и обстоятельства личной жизни, они о чем-то думали, о чем-то переживали, мечтали, плакали и смеялись, прикосновением рук отпечатывая свои мысли и сны в этом камне, в дереве ступеней и перил лестниц, оконных переплетов, в черепице крыши.

Затем у жилища появились хозяева, и их жизнь и смерть также стали частью истории дома, его душой: первые метания души и первая любовь, первые младенческие крики тех, кто начинал новую страничку семьи, рос, учился произносить первые слова, ходить и видеть мир, открывая для себя его темные и светлые стороны, а затем, как и все его предшественники, повторял священную стезю: влюблялся, женился, становился родителем – и все началось вновь, накручивая новую спираль жизни... Зайдите в любой дом, и вы с порога ощутите его атмосферу, светлую или темную, отчего будет зависеть ваше счастливое или не слишком пребывание в нем.

Дом Лорен принял меня тепло, а, едва войдя в бывшую комнату Шарлотты, я почувствовал себя мирно и спокойно, будто эта девушка, обосновавшаяся в моих снах, за руку привела меня сюда. Почему-то с самого начала я был уверен, что именно с ее смертью каким-то образом связано исчезновение Ольги, которая ведь тоже жила в этой комнате, спала на этой кровати, пила по утрам кофе. Что такое она могла узнать о своей предшественнице, которую никогда в глаза не видела?

Шарлотта, по словам Сони, поначалу тоже пропала: однажды утром бедная Лорен вошла в комнату дочери и обнаружила лишь нетронутую постель. Встревоженная мать немедленно обошла всех приятельниц и одноклассниц Шарлотты, потом обратилась в полицию. Все было бесполезно – ни малейшего следа, ни намека. Только на третий день, пятнадцатого мая, тело девочки обнаружил некий старик Жосье, отправившийся порыбачить на своей лодке. Соня также отметила, что Шарлотта плавала как рыба, но в мае вода в озере очень холодная и купальный сезон еще не открыт. Тут стоит особо отметить, что даже самые закаленные пловцы и в разгар сезона не приходят на пляж раньше полудня: с утра ледяные воды озера сильно контрастируют с раскаленным воздухом. Кроме того, Шарлотта никогда не заплывала за пляжные буйки, между тем старик Жосье обнаружил тело на значительном удалении от берега, на самом конце пирса у пришвартованной там яхты. Из сего факта полиция сделала вывод, что девушка попала в воду с лодки или яхты. От ледяной воды у нее судорогой свело ноги, она не смогла плыть и утонула. Следствию также удалось выяснить, что в ночь исчезновения Шарлотты, двенадцатого мая, лишь яхта «Мария» некоего жителя Версуа по имени Матье вышла в озеро – собственно, ее и нашли на следующее утро совершенно свободно плавающей недалеко от берега. Между тем у самого Матье было стопроцентное алиби: несколько дней он отсутствовал, будучи в Невшателе на свадьбе своей двоюродной сестры. Таким образом, таинственная смерть так и осталась таковой, а официальное следствие выкрутилось, объявив, что Шарлотта Дижон, видимо, сама отправилась в плаванье на чужой яхте и либо случайно упала в воду, либо совершила самоубийство.

Все это происходило в мае. Серфингисты прибыли в Версуа в июне. Могли ли они, работая на пляже, практически все время проводя среди купальщиков и яхтсменов, услышать нечто интересное о смерти Шарлотты? Тогда, вполне вероятно, Михал, столь не попра-

вившийся Соне, рассказал услышанное Ольге, а та сболтнула лишнее при ком-то, кто имел отношение к гибели Шарлотты.

Я решил, что завтра же отправлюсь знакомиться с польскими мастерами серфинга, а пока что займусь тем, что под рукой, – книгами Шарлотты.

«Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». Наши книги – как лакмусовая бумажка, и Соня тысячу раз права: Шарлотта была весьма необычной шестнадцатилетней мамзель. На полке стояли потрепанные книги, явно приобретенные у какого-нибудь женевского букиниста. Сразу стоит отметить подбор не слишком популярных в широких девичьих массах авторов. Во-первых, тут во всей красе царствовал Папюс – Шарлотта имела в личной библиотеке и его «Каббалу», и «Практическую магию», и «Оккультизм», и прочая, и прочая. Во-вторых, на полке стояли труды мадам Блаватской, Мебиуса, всевозможные справочники по картам Таро, а также много и философской литературы.

Признаться, я был ошарашен и морально раздавлен. Лично я в свои шестнадцать лет от роду из «философов» знал разве что маркиза де Сада с его знаменитой «Философией в будуаре», да и то, сказать по правде, опускал при чтении слишком уж оторванные от будуара места.

Еще раз пересмотрев все книги на полке, я задумался. Хорошо, девочка увлекалась магией и оккультизмом, рунами и всевозможными карточными гаданиями. Но в таком случае, где хотя бы одна колода Таро?

На полке карт не было. Я огляделся: где девчонка могла бы их прятать? В письменном столе не было ничего, кроме тетрадей и всевозможных канцелярских принадлежностей, на платяном шкафу и внутри него – ничего похожего. Я остановился перед кроватью. Ну, конечно, во все века девицы прятали самое заветное под матрацем – любовные записки, запретные книжки и гадальные карты. Я поднял матрац.

Признаться, такого я не ожидал. Под матрацем не было никаких карт, зато лежала толстая тетрадь апельсинового цвета, завернутая в старые газеты, и целая стопка листов с написанными в стихотворной форме заклинаниями. Я открыл тетрадь, в полной уверенности, что это Шарлоттин дневник, которому она доверяла свои мысли и чувства, но снова обманулся. В дневнике не было мыслей и чувств, в нем были Шарлоттины сны. Сны мертвой девушки из Версуа.

Шарлоттины сны

«Я находилась в Индии. До чего же все было красиво! Изумрудно-зеленый берег, лазурь моря. Я стояла у причала, а кругом щебетали какие-то удивительные разноцветные птицы, благоухали роскошные цветы. Я ждала прибытия парохода, на котором должен был приплыть очень дорогой мне человек. Вдруг зазвонил телефон – он оказался тут же, на маминном любимом стуле, совершенно естественно стоявшем на бетоне мола, – и я взяла трубку. «Ты где там?» – спросил раздраженный голос. Это был Шарль. В полном восторге я принялась рассказывать ему обо всех чудесах вокруг меня, о том, что здесь очень красиво и птицы поют, а солнце никогда не садится. «Может быть, ты уже в раю?» – мрачно перебил меня Шарль и положил трубку.

И в то же самое мгновение все изменилось – я была рядом с ним, в его темной комнате с зашторенными окнами. «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства, – сказал он, не глядя на меня. – Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на главный вопрос философии». «Ты хороший, Шарль, у тебя очень необычное и красивое лицо, но я люблю его, ты сам знаешь», – сказала я.

Меня душили слезы, а сердце разрывалось от жалости. У Шарля лицо сделалось таким несчастным, что я не выдержала, обняла его и разрыдалась. И тут же проснулась – вся в слезах, с бешено колотящимся сердцем. Кого же я так ждала, так любила в этом сне? Кто должен был приплыть на пароходе?..»

«С поезда сошло много людей, целый поток, чуть не сбивший меня с ног. Я очень боялась пропустить ЕГО, это казалось важнее всего. Но мимо проходили абсолютно незнакомые люди с неприветливыми чужими лицами. Вдруг кто-то тронул меня за плечо, я обернулась и оказалась прямо перед человеком с треугольным лицом. Почему-то это лицо казалось мне удивительно прекрасным, от него веяло волей и гибелью, головокружительным падением в бездну. У меня дух захватило от счастья. «Ты меня ждешь?» – спросил он. Мы вместе шли по перрону.

Затем все вдруг исчезло. Мы были вдвоем в большой светлой комнате. «Все люди – это ковры. Кто-то прекрасен и дорог, украшает собой жизнь, кто-то служит для удобства и комфорта, в другие заворачивают трупы или вовсе вытирают о них ноги, – сказал он и внимательно посмотрел на меня. – Какой из этих ковров – ты?»

Стены той комнаты сверху донизу были увешаны коврами разных видов, размеров и окраски. Я не знала, что ответить. Тогда он встал и показал рукой на небольшой ковер стального цвета с изображением мандолы: «Вот ты». Я вся дрожала. Я боялась поверить своему внутреннему предчувствию: он любит меня. Потом я испугалась – а вдруг не любит, вдруг я просто нужна ему, чтобы не забыть, как найти выход из лабиринта? «Ты прекрасна», – сказал он и улыбнулся. Я почувствовала себя счастливой и тут же проснулась.

Кто же этот человек с треугольным лицом? Мне кажется, это кто-то знакомый, реальный, быть может, наяву у него совсем другое лицо, ведь во сне мы видим не самих людей, а их души».

«Я шла по улице от школы и смотрела в небо. Оно было высокое, чистое, в нем медленно и плавно кружили черные птицы. Мимо меня пробежал смешной малыш – пухленький, с льняными локонами и большими голубыми глазами. Я ухватила его за плечо: «Куда ты торопишься?» Он ничего не ответил, только, улыбаясь, внимательно смотрел на меня. Мне стало не по себе от этого пристального, изучающего взгляда ребенка. В этот момент

я услышала за спиной негромкий, душу ледящий звериный рык. Малыш куда-то исчез, а птицы в небе закричали хрипло и тревожно.

Я обернулась и увидела огромного тигра, царственно возлежавшего на невысоком зеленом холме. Он был настолько же ужасен, насколько и великолепен: ярко-оранжевые и черные полосы, холодный взгляд желтых круглых глаз с черной точкой зрачка. Он снова зарычал, оскалив белые острые клыки.

Я была зачарована этим прекрасным зверем, я не могла бежать, прятаться, словно его желтый взгляд лишил меня всякой воли. Мы смотрели друг на друга, и мое сердце замирало от любви и ужаса. Наконец тигр поднялся, с тяжелой грацией хищника спустился с холма и прыгнул на меня, молниеносно повалив на землю. Я была совершенно беспомощна и почти бездыханна, вдавленная в землю огромной тушей зверя. Его лапы лежали на моих плечах, а огромная морда находилась прямо перед моим лицом. Тигр лениво, с равнодушным прищуром смотрел на меня, задыхающуюся, ловящую ртом воздух. «Помогите, – еле выдавила из себя я, – помогите мне». Мимо проходили люди, озабоченно смотрели на меня и спешили удалиться. Тигр пару раз благожелательно лизнул мое лицо. Он был прекрасен. Дыхание мое угасало. Я умирала от ужаса и любви».

«Все походило на приключенческий фильм: я была прекрасной маркизой и жила в высоком замке на самой вершине холма, то и дело выходя на балкон, тревожно глядя вниз, на извилистую дорогу, что вела к воротам замка.

Кого я ждала? Его – моего любимого, своего единственного рыцаря, который должен был прибыть в определенный день, принять участие в рыцарском турнире, собственным копьем доказав, что является моей половинкой. Вот почему я все время бродила, ни на минуту не присаживаясь, словно внутренний голос подсказывал мне: мой рыцарь уже совсем близко, еще чуть-чуть...

И вот я стояла на широком балконе, под которым расстилалось огромное изумрудное поле, заполненное людьми, рыцарями на лошадях, геральдами, которые издавали резкие звуки из своих сияющих труб. «Сядь», – говорила мне моя мама, выглядевшая немного странно в своих привычных белых шортах и футболке на фоне моего длинного платья со шлейфом. «Не могу, мама», – отвечала я. Тогда она положила обе руки мне на плечи: «Сядь!»

Странно – в ее голосе прозвучали какие-то чужие, пугающие нотки. Я обернулась и увидела, что лицо мамы неуловимо меняется, а в ее улыбке появляется нечто злобное и мрачное. «Ты не мама, – проговорила я, немея от необъяснимого ужаса подступающей к самому горлу разгадки. – Ты – не моя мама!» Ее лицо на глазах превращалось в треугольник вершиной вниз. «Смотри туда!» – треугольник кивнул в сторону изумрудного поля, где все вдруг принялись кричать и визжать, а лошади – отрывисто ржать, будто их беспощадно били кнутами. «Он умирает, он умирает!» – наконец удалось мне расслышать в общем крике.

Он лежал на траве прямо под моим балконом – прекрасный рыцарь, на груди которого беспощадно расплзлось красное пятно. Шлем рыцаря был снят, и волосы, превратившиеся в кровавую паклю, показались мне чересчур похожими на женские. Я наклонилась чуть ниже и, рассмотрев лицо рыцаря, с удивлением обнаружила, что это девушка. Она улыбалась мне устало, как улыбается путник после долгой дороги. «Привет», – только и прошептала она еле слышно. Это слово еще звучало у меня в ушах, когда я проснулась».

«Мне снова снилась та самая девушка с темными длинными волосами. На этот раз все вновь походило на американский фильм, в котором я играла главную роль, и теперь – роль Джеймса Бонда! В смокинге, с огромными чемоданами в обеих руках, я бежала – бежал? – по многолюдному восточному базару, спасаясь от погони. При этом я не испытывала страха,

все было легко и красиво: в определенный момент я отбросила в сторону один чемодан, затем второй...

Толпа поредела, и я вдруг оказалась на изумрудном поле, где в ряд стояли великолепные слоны в роскошных пополах, расшитых сверкающими камнями. Слоны при виде меня одновременно подняли хоботы высоко в небо и приветственно затрубили. Я красиво взлетела на крайнего слона, и погоня продолжилась – только теперь я догоняла слона, на спине которого сидела та самая девушка. Она испуганно оглядывалась на меня, а я, подгоняя своего слона, стремилась изо всех сил догнать беглянку, чтобы спасти ее. «Подожди, остановись, не убегай! – кричала я. – Я должна спасти тебя!»

Потом вдруг оказалось, что я – снова я: девушка в джинсах и футболке. Мои волосы сбились, я вся покрылась липким потом, но догнать ту девушку под раскаленным солнцем никак не удавалось. «Остановись! Я тебе помогу!» – кричала я снова и снова, срывая голос в крике.

Девушка исчезла. Я стояла на лужайке перед домом Шарля и держала в руках засохшую розу...»

«Я была безумно счастлива – солнце сияло в голубом небе, птицы щебетали на деревьях, и я выходила замуж. Я знала, что мой избранник – самый прекрасный, самый удивительный, и сердце мое пело от радости. В маминой комнате я перед зеркалом примеряла свой великолепный свадебный наряд. Мама, сидя передо мной на корточках, подшивала подол, но на меня не поднимала глаз. «Мама, ведь он меня любит?» – «Разумеется, любит, дорогая моя. Тебя все любят». – «Гостей будет много?» – «Весь город, красавица моя».

Тут я заметила, что мама утирает слезы. «Мама, ты плачешь?» Она плакала, уже не скрывая этого. «Но почему, мама, ведь все так чудесно!» Мама ничего не ответила, только поднялась и крепко обняла меня, поцеловала, а потом подтолкнула к двери.

Я вышла на высокое крыльцо и увидела перед собой весь город внизу: улицы были заполнены людьми, которые смотрели на меня, показывали пальцами. Я и сама видела себя словно со стороны – красивую, легкую, в белом платье. «Сейчас раздастся звон свадебных колоколов, я начну спускаться, и внизу возьмет меня за руку ОН».

Все замерли в ожидании. Ударили в колокол, еще... Ропот пробежал по толпе. Что случилось? Это был не свадебный, а погребальный звон – тяжелый, мрачный, гулкий. Сверху полилась вода – потоками, реками, будто небо опрокинулось... Весь город ушел под воду. И я вместе с ним».

...Стрелки часов на письменном столе показывали четверть третьего. Сны снам рознь, но Шарлоттины меня увлекли. Я прочел почти треть тетради, и ее образ стал более осязаемым. Мелкий, летучий, но вполне разборчивый почерк – материальный отпечаток душевных переживаний. Удивительные фантазии, достойные пера писателя. А главное, выражаясь заумными терминами, – художественное и логическое осмысление сюжетов снов, удивительное для шестнадцатилетней девочки.

Каждый сон начинался с даты; между ними случались большие пробелы или лаконичные записи в духе: «Я открыла глаза, и сон испарился, ничего не помню». Теперь я начинал понимать мрачность Шарля: судя по снам, Шарлотта, безусловно, его не любила, в ее мире фантазий в духе американских кинофильмов, где дважды второй героиней оказалась другая девушка (второе «я» Шарлотты?), не было место занудливому и в какой-то мере скучному пареньку. Совершенно очевидно, что Шарлотта смутно ожидала явления своего настоящего героя. Недаром последние три месяца своей жизни (первая запись датировалась двадцать седьмым февраля) она видела во сне одного и того же таинственного человека с треугольным лицом, которого тщетно пыталась опознать в ком-то из знакомых ей людей.

И еще один штрих зацепил меня во время чтения дневника снов – длинная, смутно знакомая фраза Шарля по поводу философии и самоубийства. Я порылся на книжной полке и, конечно же, обнаружил томик Камю. Так и есть, тирада была тщательно процитирована из философского эссе «Миф о Сизифе». Значит, Шарлотта читала сей труд Камю... И ведь тогда, вполне возможно, «главный вопрос философии» увлек ее настолько, что она решилась на самоубийство. Странная девушка.

Я зевнул. Пора было отправляться баиньки.

Новый день

Несмотря на то что сон был коротким, я проснулся бодрым, вместе с щебетом первых пташек, и в семь часов, полный сил и энергии, уже встал. Спустившись на кухню и быстро сориентировавшись в шкафчиках Лорен, я сварил себе большую чашку кофе, в одно мгновение наполнив весь дом ароматом арабики.

Утренние часы исполнены особого очарования и тишины. Я вышел на веранду и мирно уселся на ступенях, делая осторожные, обжигающие глотки, не думая ни о чем, просто наслаждаясь солнцем, цветами, свободой. После ночи открытий мне не давала покоя мысль о том, что во всем этом деле одна из самых важных деталей – сны. Странная девочка Шарлотта, столько знавшая в свои шестнадцать, хранившая множество тайн, так не похожих на обычные секреты школьниц, записывала свои сны. Зачем? Наверное, она считала их важной составляющей своей жизни, если полагала, что именно в царстве Морфея могла видеть истинные души людей. Она, невидимой тенью войдя в мой собственный сон, за руку привела меня к некой двери какого-то дома, находящегося, вполне возможно, здесь, в Версуа. Что это за дом? Кто в нем живет? Не там ли прячет таинственный «икс» пропавшую Ольгу? Мне предстояло ответить на эти вопросы, и дневник Шарлоттиных снов – я был в этом абсолютно уверен – может помочь в этом.

Тут я вспомнил, что вчера, во время прогулки по улице Дегалье, Соня упомянула, что за трехэтажным домом находится местное кладбище. Все имеет свое начало, а, по моему глубокому убеждению, история исчезновения Ольги началась со смерти Шарлотты, которая сменила свое место жительства и ныне обитает на кладбище – по информации той же Сони, в последнем ряду, у стены. Я подумал, что мне стоит сходить туда. Можете смеяться, но я полагаю, на могиле гораздо проще пообщаться с умершим. Разумеется, мысленно.

Кладбище Версуа походило на большинство европейских – чистенькое, с гравиевыми дорожками и ровными рядами кипарисов. Никаких оградок, на большинстве памятников отсутствуют фотографии, зато тут есть и детские игрушки, и целые композиции из цветных камешков.

Но могила Шарлотты, находившаяся в самом углу кладбища, отличалась суровой простотой: ровный прямоугольник розового гравия, керамический горшок с цветущими ирисами, гранитная плита с шаблонной надписью «Шарлотта Дижон», даты короткой жизни и – «Покойся с миром». Но внизу, прямо по камню, было криво начертано белой краской: «Пой, Шарлотта, пой!» Кто сделал эту надпись и что хотел ею сказать? Соня не упоминала, что Шарлотта любила петь. Или здесь имелось в виду нечто другое? Я вздохнул, допил свой кофе и с пустой чашкой направился домой.

Ко времени моего возвращения Лорен уже всю хлопотала на кухне. Рыжие пряди падали ей на лицо, она нетерпеливо откидывала их назад, что-то недовольно бормоча себе под нос.

– Смотри, ты ранняя пташка, – сказала она после взаимных пожеланий доброго утра. – Я думаю, ты не обидишься, если я буду звать тебя на «ты». Ведь вы с Соней для меня как дети.

Я со всей искренностью заверил добрую женщину, что и не думал обижаться на подобные пустяки.

– Ну-ну, – она на мгновение замерла на месте, в задумчивости посмотрела на мою чашку из-под кофе. – И куда же ты ходил в такую рань?

Признаться, я растерялся. Соня строго предупредила меня, что в этом доме табу: смерть Шарлотты и утопленники. Упоминание кладбища, таким образом, нарушало его.

– Никуда не ходил я, просто прогулялся, – попытался соврать я, но Лорен резко меня прервала.

– Чего тут гулять? Вы полночи гуляли. Скажи честно, что ходил на кладбище. Нашел могилу Шарлотты?

Мне не оставалось ничего, кроме как кивнуть.

– Я не стала ее украшать и все такое, – не глядя на меня, всецело сосредоточившись на приготовлении запеканки, проговорила Лорен. – Смерть – великое таинство, ей ни к чему побрякушки. Я просто приношу дочке цветы. Она любила ирисы.

– А кто сделал эту надпись? – откашлявшись, решил я задать вопрос. – Я имею в виду надпись «Пой, Шарлотта, пой!».

Рыжеволосая Лорен, как мне показалось, с каким-то особым раздражением передернула плечами.

– Не знаю. Написал кто-то на второй день после похорон. Слоняются ночью по кладбищу разные тут. – Она подала мне кофемолку и жестом приказала смолоть кофе. – Одно скажу – Шарлотта никогда не любила петь.

На этом наша беседа совершенно неожиданно оборвалась, как будто Лорен порешила, что и без того слишком много наговорила. Пока готовилась запеканка и подходил кофе, она нарезала хлеб, с грохотом расставляла на столе чашки и тарелки, а как только на кухне появилась заспанная Соня с на ходу закрывающимися глазами, лишь кивнула ей, пробормотав традиционное «Доброе утро».

Наш первый совместный завтрак прошел при полном молчании и потому довольно быстро завершился. Пока Лорен с грохотом загружала посуду в посудомоечную машину (напрочь отказавшись от какой-либо помощи с моей стороны), мы с Соней вышли на перекур в сад, устроившись в шезлонгах.

– Голова просто раскалывается, дай мне волю, я бы проспала до вечера, – мрачно заявила Соня.

– Отчего же ты этого не делаешь? – удивился я. – Сколько тебя помню, ты никогда не вставала раньше обеда. Что же случилось?

Соня лишь горько усмехнулась:

– Ты просто не в курсе моей обычной швейцарской жизни. Здесь я, так сказать, веду здоровый образ жизни: рано встаю, не слишком поздно ложусь. Собственно, за вечерним отбоем Лорен никогда не следит, но я и сама не заинтересована в долгих гулянках, потому как слишком хорошо знаю: что бы ни случилось, в восемь утра Лорен ворвется ко мне с криком «Завтрак готов!». Хоть умирай, она поднимет тебя и заставит спуститься на кухню. Лорен – простая женщина и не представляет себе, как это можно так долго спать утром и так долго не спать ночью. Бесполезно спорить, гораздо проще покориться ее образу жизни. Вот почему я отдыхаю здесь не больше двух недель.

Она сладко потянулась:

– Между прочим, какие у тебя планы на сегодняшний день? Лично я отправляюсь во Францию.

– Это еще зачем? – удивился я, на что Соня весело расхохоталась:

– Особое задание: во Франции, которая в пятнадцати минутах езды отсюда, продукты гораздо дешевле, и у Лорен бзик в целях экономии закупать их именно там. Так что пока я здесь, поездки в супермаркет – моя нагрузка по дому.

Мы поднялись и неторопливо направились в гараж, а пока Соня собиралась в дорогу, я устроил ей маленький допрос.

– Между прочим, меня гложет любопытство: объясни мне, почему ты не хочешь обратиться в полицию? – задал я первый, весьма интересующий меня вопрос. – Чего проще: пропал турист...

– Ты не понимаешь, – перебила Соня, немедленно раздражаясь. – С этой Олей была целая история. Когда она узнала, что я лечу в Швейцарию к тетушке, то просто с ума сошла, так захотела со мной отправиться на пленэр. Но у меня-то двойное гражданство, а ей нужно было оформлять визу, ты же знаешь, что для этого необходимо как минимум приглашение. Вот я и позвонила Пьеру – я тебе о нем рассказывала. Если бы я попросила Лорен сделать приглашение, ушла бы уйма времени просто на то, чтобы объяснить ей, как все оформить и куда направить. Словом, я позвонила Пьеру, и он быстренько сбросил мне по «мылу» все необходимое. Лицо он уважаемое, так что визу на пятнадцать дней Ольге дали тут же. Теперь представь: я заявляю в полицию, что Ольга пропала, при этом выясняется, что вообще-то приехала она по приглашению Пьера к нему в Танси, но жила у совершенно других людей в Версуа, и тэ-дэ и тэ-пэ. Разумеется, так или иначе, но Пьера будут вызывать на допросы в полицию и все в таком роде. Зачем подставлять хорошего человека, который просто оказал нам услугу? Время у нас есть. Вот почему ты должен сам все решить. Я верю в твои дедуктивные способности, Ален.

– Постой-постой, – попытался я умерить ее пыл. – Но ведь этот самый Пьер, по твоим собственным словам, и был с Ольгой перед самым ее исчезновением. Ты абсолютно уверена, что он не увез ее с собой?

– Бог с тобой, – махнула рукой Соня, усаживаясь за руль и давая понять, что разговор можно считать законченным. – Я же говорю – он просто лопался от злости, решив, что Ольга над ним посмеялась. Кроме того, я ему звонила.

Зависла многозначительная пауза, в течение которой Соня нервно подкрашивала губки. Я усмехнулся.

– Вот как.

Соня раздраженно кинула помаду в бардачок:

– Ну да, должна же я была ввести его в курс происходящего. Он сразу запаниковал и всеми святыми заклинал меня не обращаться в полицию, поскольку тогда ему не избежать нервотрепки.

Эту информацию следовало как следует переварить. Не знаю, в чем тут дело, но почему-то этот Пьер Бенини мне заочно не понравился с первых же слов о нем. «Заклинал всеми святыми»! Сразу видно, что парень думал только о собственном спокойствии и благополучии.

Между тем Соня сделала мне ручкой и выехала за ворота, отправившись выполнять свою миссию в супермаркет. Я закрыл за ней ворота и в задумчивости направился в дом. Нужно было расспросить Лорен, где обитает владелец местного яхт-клуба, приютившего польских серфингистов, которых я собирался сегодня же навестить. В конце концов, меня вызвали в этот городок для серьезной работы, и Соня только что не без патетики заявила, что верит в меня. Я не я, если не оправдаю ее надежды.

Польская фракция

По совету Лорен в поисках польских серфингистов я сразу же направился на пляж, где эти бравые парни обучали местную юную поросль и побеги постарше всевозможным выдрючиваниям на воде. По дороге я представлял, как подойду к стойке, за которой в прошлый раз стояла симпатичная блондинка, и спрошу, где мне найти этих самых поляков. Но все оказалось гораздо проще: едва очутившись в кафе, я услышал бойкую польскую речь и увидел несколько загорелых парней, попивающих в этакую жару горячий кофе. Я подошел и церемонно представился на русском языке, что почему-то сразу не понравилось длинноволосому блондинчику справа.

– Интересно, почему это мы должны понимать по-русски? – вальяжно развалившись на стуле, высокомерно поглядывая на меня, процедил он на дурном французском. – Мсье понимает польский?

Я, кстати, немного понимал по-польски, но из принципа решил говорить по-русски, тем более с этим крепышом-недомерком, который сразу вызвал у меня неприязнь. Во-первых, потому что это он подслушивал прошлым вечером наш с Соней разговор в этом же самом кафе, во-вторых, потому что именно он лучше других подходил под описание пресловутого Михала.

– Вы – Михал? – ринулся я в атаку. – Интерпол, – тут я быстро продемонстрировал, не давая возможности прочесть, визитку главы рекламного отдела «Садов Семирамиды», которую всегда таскал в кармане на всякий случай. – Пройдемте, у меня к вам несколько вопросов.

Парень не то чтобы испугался, но сразу напрягся, сверля меня своими злыми глазками. Все его товарищи мгновенно перестали улыбаться, а один из них, выглядевший как лидер, на вполне приличном русском извинился передо мной за их несерьезность, посоветовав Михалу не ломаться и делать, что говорят. Тот нехотя поднялся и, громко шлепая сланцами, поплелся за мной. Мы уселись за столик в противоположном конце террасы.

– У вас были отношения с Ольгой Алиповой? – сурово сведя брови к переносице, задал я первый вопрос.

Михал хмыкнул:

– Ничего, что могло бы заинтересовать Интерпол.

– Что вам известно об ее исчезновении?

– Ничего. А она пропала?

– Несколько дней назад она бесследно исчезла. Так вы можете что-то сообщить по этому поводу?

– С тех пор она не достает меня своей любовью.

Нет, этот парень мне совершенно не нравился – начиная с лоснящегося лица и завершая манерой говорить, жуя жвачку. Пора было переходить на «ты».

– Тебя трудно назвать джентльменом.

– А тебя – агентом Интерпола.

Мы немного посверлили друг друга взглядами, и я, махнув парню за стойкой, заказал себе пива. Надо было видеть, как ваш покорный слуга смаковал холодное «Карлсберг», а Михал едва не выпрыгивал из штанов от злости – бравым серфингистам, работающим с детьми, в рабочее время алкоголь, даже в виде пива, запрещен.

– Короче, чего тебе надо, Интерпол? – с невыразимым презрением процедил он, поднимаясь.

Я тоже встал.

– Не далее как вчера вечером ты подслушивал мой разговор с девушкой здесь, в этом самом кафе. Значит, эта история с исчезновением тебе не безразлична. А о том, как утонула Шарлотта, ты случайно ни у кого ничего не подслушал?

Клянусь, он первый попытался врезать мне своим кулаком, но я успел уклониться и ответить великолепным ударом в нос. Из этого самого носа тут же закапала кровь, Михал взревел и набросился на меня, по пути опрокинув стол. Мы сцепились в единый клубок, отчаянно друг друга мутузя и яростно катаясь по полу кафе.

Когда первые восторг и изумление всей присутствующей публики слегка утихли, нас немедленно бросились разнимать бармен, лихо перемахнувший через стойку, мужчина в шортах и товарищи Михала. Каюсь, им пришлось немало с нами попотеть в самом прямом смысле этого слова, прежде чем удалось растащить драчунов в разные стороны. В итоге, обхваченные сзади крепкими руками, мы стояли, каждый – с расцветающим под глазом синяком, выпуская пламя из ноздрей, испепеляюще глядя друг на друга.

– Мы еще встретимся и побеседуем, – пообещал я.

Михал ответил длинной тирадой на нецензурном польском. Тот самый поляк, похожий на лидера, отведя меня в сторону, представился руководителем группы Дареком и вежливо попросил прощения за своего необузданного соотечественника.

– Ребята говорят, что вы спрашивали Михала о той русской девушке, которая приходила к нему. Говорят, она вроде бы пропала, но, мне кажется, Михал действительно ничего об этом не знает. Он просто рад, что эта девушка теперь к нему не приходит, вы же видите, какой он.

– Да уж, – не мог не согласиться я, одновременно поправляя волосы и одежду. – А вам не приходилось ничего слышать о смерти другой девушки – Шарлотты? Она утонула в мае. Дарек в задумчивости покачал головой:

– Ничего интересного. Но про сам факт смерти мы, конечно, слышали. Здесь в кафе частенько сидит один парень, владелец яхты, его зовут Матье. Так вот он как-то рассказывал под пиво, что, пока его не было в городе, кто-то использовал его яхту, чтобы утопить школьницу. Матье также показал нам старика, который обнаружил утопленницу, когда она всплыла, – его все зовут старик Жосье, он помогает тут одному типу с его яхтой, моет и все такое.

Я поблагодарил парня «за помощь Интерполу» и с достоинством удалился.

Однако на этом мое знакомство с польской фракцией не завершилось. Стоило мне сделать всего лишь несколько шагов, готовясь свернуть в ближайший переулок, как позади послышался энергичный топот и бойкие девичьи голоса. Естественно, я обернулся.

– Подождите, милый пан, мы тоже хотим с вами поболтать!

Эта девушка держалась чуть впереди своих подруг – длинноногая красавица, загорелая до цвета шоколада с молоком, с копной каштановых волос и огромными черными очками на улыбающемся лице. Вслед за ней с такими же широкими улыбками на лицах бежали две другие: белокурая коротышка и вторая – с мальчишескими вихрами на голове. Вся троица была в светло-голубых джинсовых шортах и в маечках – гладкие и загорелые, как после поездки на море.

Они подбежали и тут же весело рассмеялись, окружив меня, с любопытством рассматривая в моем лице с фингалом под глазом агента Интерпола и, судя по всему, находя вполне славным парнем.

– Здравствуйте! – длинноногая красавица держалась как главное действующее лицо. – Ребята только что рассказали увлекательную историю о том, что в наше отсутствие произошло нечто волнующее: некий русский агент Интерпола подрался с Михалом. Разумеется,

это нас взволновало: Михала у нас мало кто любит, уж слишком он скучный тип. А потому нам так интересно, что же между вами произошло...

Она обворожительно улыбнулась и сделала подобие книксена.

– И кстати, разрешите представиться: меня зовут Ева, и я учусь на журналистку, так что вполне могу провести с вами блестящее интервью и заодно рассказать вам о Михале и о его отношениях с той русской девушкой, о которой вы его спрашивали. Ведь, надеюсь, я все правильно поняла: вы хотите знать, что было между нашим Михалом и вашей рыжей Ольгой?

– Именно, – я также улыбался, глядя на эти юные и беззаботные лица любопытных девушек. – Давайте устроимся вон на той скамейке и поговорим.

– Идет! – радостно воскликнула белокурая девица-коротышка, тут же поспешно протягивая мне руку: – А меня зовут Барбара, и я учусь на зубного врача. У вас все в порядке с зубами?

Все трое тут же радостно рассмеялись, и мы дружно направились на одну из широких скамеек, что стояли на набережной. Вы и не представляете, как я замечательно ощущал себя в столь юной компании девиц, разглядывающих меня с неподдельным восхищением.

– Ах, какой нехороший Михал – так вас ударил, – покачала головой третья, до сих пор мне не представившаяся, но тут же поспешив исправить промах:

– Меня зовут Яна! Очень приятно познакомиться.

Пришел и мой черед чинно поклониться:

– Спешу представиться: меня зовут Аллен Муар-Петрухин, и мне тоже очень приятно.

– Ого, – глазки будущей журналистки живо блеснули. – Пан не только русский, но и француз. Я права?

– Вы – настоящий журналист, – хлопнул я пару раз в ладоши. – Bravo! Да. Вы абсолютно правы: моя мама – русская, а отец – француз, живет в Париже. А теперь давайте поговорим о том, что вам известно про отношения Михала и русской Ольги.

Все трое едва не покатались со смеху.

– Это просто смешно, – тут же взяла инициативу в свои руки прекрасная Ева. – Вряд ли можно сказать, что между ними что-то было. Во-первых, потому что наш Михал – бирюк, который только и может, что считать деньги да набивать свою утробу. Ну, а когда представляется возможность выпить пивка или водочки...

– Тогда лучше держаться подальше от него!

И все трое вновь беззаботно и громко расхохотались.

– Выходит, Михал – потенциальный волк-одиночка?

Они тут же хитро переглянулись, и Яна с Барбарой как по команде уставились на Еву. Она взмахнула загорелой голой ручкой.

– Ну я бы так не сказала. Быть может, это звучит немного нескромно, но наш Михал с первого же дня влюбился в... в меня!

– По самые уши! – поддакнула Яна, тряхнув короткими кудряшками. – И тут же начал ухаживать за нашей Евой, как самый настоящий косолапый медведь. Все в духе: ты – моя, слушай меня, смотри на меня, восхищайся мной, остального мира, кроме меня, для тебя не существует!

– Но, насколько я понимаю, прекрасная Ева, – любезный взгляд в сторону красотки, – ему не поддалась?

Красотка только усмехнулась, горделиво задрал подбородок.

– Еще бы! Сто лет он мне не нужен! А вот ваша Ольга, она молодец, вела себя с ним так, как он пытался вести себя со мной: ты – мой, никому тебя не отдам. Как только приходила и видела его, тут же бросалась к нему на шею, насильно обнимала, прижимала к своей груди

и сюсюкала: «Да ты ж моя зайка!» Каждый раз мы все начинали хохотать как безумные, а Михал мгновенно приходил в ярость и куда-нибудь убегал.

– А Ольга?

– Я говорю, Ольга – молодец! Она смеялась вместе с нами и тут же начинала гадать нам на картах Таро.

– И хорошо гадала?

– Исключительно хорошо, так интересно! – Тут Ева посмотрела на меня с лукавой полуулыбкой. – Она, между прочим, сообщила мне, что моя судьба – выйти замуж за француза и жить в Париже, неподалеку от Эйфелевой башни. Кстати, а в какой части Парижа проживает ваш отец?..

Пора было потихоньку-полегоньку завершать этот диалог, становившийся весьма опасным, поскольку Ева, будто невзначай, села поближе ко мне, касаясь загорелыми голыми ножками моего колена, ладонь положив на мою руку. Ее подруги не без зависти хихикали, а я вдруг начал усиленно потеть. Вот почему я деловито вернулся к теме Михала, не без толики разочарования выяснив, что у того на интересующее меня время имеется железное алиби. Как оказалось, в ночь, когда пропала Ольга, Михал напился водки, как конченный алкоголик, пытался на руках отнести Еву в собственную опочивальню и в связи с этим был слегка помят коллегами-товарищами во главе с известным мне Дареком. Вот, собственно, и все, что дало мне посещение польской фракции. Благополучно завершив нашу дружескую беседу, я поспешил распрощаться с красавицами-польками и, сославшись на извечную занятость сотрудника Интерпола, с достоинством удалился.

Множество мыслей кружилось, сбиваясь, в то время как я шел по направлению к дому Лорен. О том, что датское пиво гораздо лучше французского и что исчезновение некоторых людей никого особенно не волнует. Я размышлял о причинах нелюбви поляков к русскому языку, который практически все они неплохо знают, и об отдельных представителях этой нации, с первого взгляда не внушающих ни симпатии, ни доверия, к их числу стопроцентно можно отнести и серфингиста Михала. Соня оказалась тысячу раз права: этот парень – на редкость отвратный тип. Я был бы только рад, если бы именно он оказался виновен во всех грехах. Увы, моя беседа с милыми девушками напрочь разбила эту версию. Туды его в качель.

Секреты Лорен

Интересная сцена произошла в тот же день за обеденным столом. Сначала все шло, как обычно, если не считать банальнейших шуточек Сони по поводу моего левого глаза, расцветающего синим цветом после общения с Михалом, и выразительно-неодобрительного покачивания головой тетушки Лорен. Соня, вернувшаяся из супермаркета с полным багажником дешевых французских продуктов, ваш покорный слуга и тетушка Лорен мирно ели суп, затем суховатое куриное фрикасе с брокколи, под занавес плавно перейдя к десерту и кофе. Вот тут и произошел эксцесс. Попробовав превосходный эклер, я поинтересовался у Лорен, не знает ли она адреса некоего старика Жосье. Что может быть невиннее? Тем не менее мгновенно словно тучи затянули синее небо: Соня яростно пнула меня под столом ногой, а Лорен замерла с чашкой в руке, хмуро уставившись в цветной узор скатерти на столе.

– Почему это я должна знать, где живет какой-то там Жосье? – наконец выдавила она из себя скрипучим голосом.

Я почувствовал себя неловко. Ну разумеется, я, бестолочь, этим вопросом проявил чудовищную бестактность и жестокость, поскольку ведь именно старик Жосье обнаружил труп дочери Лорен, а я так вот изощренно напомнил ей об ее утрате.

– Ален просто сморозил глупость, – решительно встряла в разговор Соня, усиленно сигнализируя ногой под столом, что мне лучше помолчать. – Сама видишь, его ударили по голове, вот и несет невесть что.

– Я принципиально не поддерживаю никаких отношений с подозрительными стариками, вечно околачивающимися на пляже, – хмуро прервала Соню Лорен. – Прошу зарубить себе это на носу.

Она тут же вскочила и принялась убирать со стола, немисливо гремя при этом посудой. Соня сделала знак, и мы со своим кофе отправились в сад, устроившись в шезлонгах в тени деревьев. Некоторое время помолчали.

– Мой дорогой Ален, иногда ты меня просто убиваешь, – начала было Соня, но я не дал ей договорить.

– Да-да, знаю, это было более чем неуместно. Но если честно, мне не терпится найти его. Ведь это он обнаружил труп Шарлотты, чья непонятная смерть – в этом я уверен – непосредственно связана с исчезновением Ольги. Я всего лишь хотел задать старику пару вопросов, вот только вылетело из головы, что для Лорен смерть Шарлотты не была, как для меня, лишь частью загадки.

Соня вздохнула и с улыбкой посмотрела на меня:

– Надеюсь, больше ничего важного не вылетело из твоей головы? Это надо же, только прибыл и уже устроил драку в кафе. В общественном месте! Вот из-за таких типов и идет по Европе дурная слава о славянских народах.

– Клянусь, он первый начал, – возмутился было я, но Соня остановила меня жестом и ласковым взглядом:

– Знаю и верю, я ведь уже говорила тебе, что терпеть не могу этого Михала, мягко говоря, нелюбовь с первого взгляда. Но все это пустяки. Знаешь, почему Лорен так взвилась, когда ты спросил у нее адрес этого Жосье?

Разумеется, я понятия не имел. Соня быстро взглянула в сторону дома и наклонилась поближе ко мне:

– От женушки местного мэра на той самой вечеринке, когда пропала Ольга, я услышала интересную сплетню. Дескать, именно от Жосье моя тетка родила в свое время Шарлотту. Тогда он жил в Женеве, был семейным человеком, кажется, дантистом, имел собственную яхту. Потом произошло несчастье: жена и дочь погибли в катастрофе. Жосье запил,

начал опускаться, но тут вспомнил, что в Версуа растет его дочь-кровинушка, и переехал сюда. Разумеется, Лорен сразу же встала на дыбы: дочь моя и больше ничья, не подходи к ней близко, а то хуже будет. Но Шарлотта каким-то образом подружилась со своим отцом. Правда, говорят, она не знала, что он ее отец, просто ей было интересно с ним беседовать, ведь Жосье являлся образованным, очень начитанным человеком. Кроме того, девочка наверняка жалела одинокого старика. Лорен ничего не могла поделать и волей-неволей смирилась с этой дружбой. Представь теперь: утром отец обнаруживает труп своей дочери и сообщает об этом ее матери. Вдвойне трагично, не правда ли?

Да уж, ничего не скажешь. Как много поучительного можно узнать, тусуясь на вечеринках в таких вот маленьких городишках, где едва ли не все знают друг друга с самых пеленок.

– Интересно, и от кого же женушка мэра услышала эту сплетню?

Соня хмыкнула.

– От местного дантиста, с которым Жосье когда-то обучался пилить зубы. Этот дантист чисто случайно встретил бывшего однокурсника в Версуа и не сразу признал – уж больно отличался неухоженный старик от некогда холеного и благополучного коллеги из Женевы. Ну, а как признал, не удержался и спросил, что же такое ужасное приключилось с беднягой, на что Жосье запросто выдал всю историю своего двойного отцовства. Прикол?..

Мы еще немного поболтали с Соней о том о сем, поделившись, кстати, и своими дальнейшими планами на этот день.

– Я уезжаю в Аллеман, – доложила Соня. – В конце концов, я приехала сюда на пленэр. Там чудесные виноградники, которые вдохновили меня на целую серию рисунков, у нас даже имеется предварительная договоренность о выставке с Пьером – если, конечно, я не подставлю его со всей этой историей. Надеюсь, ты без меня не будешь скучать?

Я заверил ее в своей полнейшей самостоятельности и занятости. В моих планах было для начала нанести визит старику Жосье, который, как оказалось, проживал прямо напротив нас, в трехэтажном доме, а затем взять напрокат автомобиль, чтобы иметь возможность свободно передвигаться по стране. Кроме всего прочего, я собирался съездить в Женеву, дабы встретиться с Роже Монтесье и Пьером Бенини, а заодно отведать местного фондю, иначе Васек будет разочарован, а я не люблю разочаровывать людей.

Старик Жосье

Старик Жосье проживал в маленькой двухкомнатной квартирке на третьем этаже в самом торце здания с видом на елки и лужайки усадьбы Шарля Монтесье и его папаша. Едва я зашел в его апартаменты, как чуть не задохнулся от духоты (окна выходили на солнечную сторону) и отвратительного запаха, какой бывает в какой-нибудь ночлежке, где люди спят не раздеваясь. Обе комнаты были забиты совершенно не нужными никому, включая и самого хозяина, вещами. У стен стояли разнокалиберные диваны, кресла и стулья, непонятные коробки, два старых телевизора и три древних компьютера друг на дружке, а в самом углу гостиной красовалось зубоврачебное кресло. Сам Жосье выглядел спокойным благообразным старцем с седой бородой и чистым детским взглядом.

– Все, что мне известно, я давно рассказал полиции, – тихо проговорил он, усаживаясь в плетеное кресло у окна.

Я сочувственно склонил голову к плечу:

– Понимаю, что вам трудно говорить об этой трагедии, ведь погибшая была вашей дочерью. Я прав?

Он молча кивнул. В разговоре зависла пауза, в течение которой старик просто смотрел в окно. Пришлось самому продолжить беседу:

– Извините, что я вновь заставляю вас вспоминать все это, но дело в том, что, возможно, именно с гибелью вашей дочери связано исчезновение другой девушки, из России. Может быть, вы ее видели – она жила у Лорен.

Старик снова кивнул:

– Видел. Она очень похожа на Шарлотту.

Снова пауза. Поистине, из этого человека слова приходилось буквально вытягивать клещами. Я вытер пот со лба и подумал, что еще немного, и меня вынесут отсюда с диагнозом «удушьё».

– А какой была Шарлотта? – возможно, чересчур раздраженно спросил я. – Кроме того, что она была рыжей, увлекалась оккультизмом, дружила с инфантильным юношей и плавала как рыба, я ничего о ней не знаю, и поэтому в голове у меня гудит целый рой вопросов. Например, о чем вы беседовали с ней, когда она приходила сюда. Ведь, извините, вы для нее были настоящим стариком, да и блестящим собеседником я бы вас не назвал.

Поверьте мне на слово, его совершенно не разозлила моя ядовитая тирада и последнее замечание. Он так же ясно улыбался и смотрел на меня с сочувствием и, пожалуй, даже с ноткой жалости.

– Она была очень похожа на мать, – ответил он – естественно, не сразу, но выждав положенную паузу. – Когда мы встретились, Лорен была такой же: рыжеволосая молчунья, серьезная и неразговорчивая. Она пришла ко мне удалить зуб. Держалась очень мужественно.

Жосье усмехнулся и пальцем провел по подбородку.

– Могу поспорить, что мой адрес вы узнали не от Лорен, – увидев выражение моего лица, он удовлетворенно кивнул. – Все это время она демонстративно отказывается говорить со мной, даже просто замечать. Меня для нее не существует, я – пустое место. А ведь когда-то она сама пришла ко мне с пустячной жалобой – якобы у нее болит десна после удаления зуба. Был конец рабочего дня, прекрасная погода. Я успокоил женщину, выписав на всякий случай антисептик, а она неожиданно пригласила меня поужинать в ресторанчике по соседству. Разумеется, я был изумлен. Но мои жена с дочерью находились в Лозанне у тетки, а глаза этой женщины с огненными волосами словно молили о помощи. Мне даже показалось, что если вот сейчас я откажусь от этого вполне невинного приглашения, она распла-

чется. Одинокая женщина за тридцать, которой не с кем перекинуться словом... В симпатичном ресторанчике мы с ней прекрасно поужинали, выпили вина. Затем Лорен пригласила меня к себе – она остановилась в небольшой гостинице у вокзала...

Похоже, я ошибался, отказывая старику Жосье в статусе блестящего собеседника. Возможно, диалог у нас с ним вышел вялым, зато в монологе он был силен: я разом забыл про духоту и отвратительный запах, как наяву, представляя себе то жаркое лето и шум женеvских улиц, когда молодая Лорен атаковала добродетель женеvского дантиста. Жосье заметил мой интерес и удовлетворенно улыбнулся.

– В тот вечер мы засиделись допоздна. Все шутили, говорили о жизни, о людях, о своем отношении к различным событиям. Интересно, но даже от вина Лорен совершенно не потеряла голову – ничего не рассказывала о себе, больше расспрашивала о моей семье. У нее в голове был трезвый и четкий план. Вы, наверное, сами догадываетесь, чем все это завершилось.

Старик усмехнулся, бросив на меня лукавый взгляд, почесав затылок.

– Между прочим, все едва не сорвалось, поскольку Лорен оказалась девственницей, – он смотрел на меня чистыми детскими глазами. – Меня словно ушатом холодной воды окатили! Я уже стал извиняться, пытался уйти, но эта женщина буквально заставила меня довести все до конца. Она так и сказала: «Мне нужен здоровый, красивый ребенок, и вы идеально подходите на роль его отца. Кроме того, вы – семейный человек и, значит, не станете претендовать на отцовство, когда ребенок родится. Малыш будет только моим». Теперь вы видите, какую шутку сыграла жизнь. В один миг я потерял своих близких, и произошло то, от чего Лорен, казалось бы, себя оградила: я стал претендовать на отцовство. Одна моя дочь погибла, но я знал, что есть другая. Я бросил все и приехал в Версуа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.